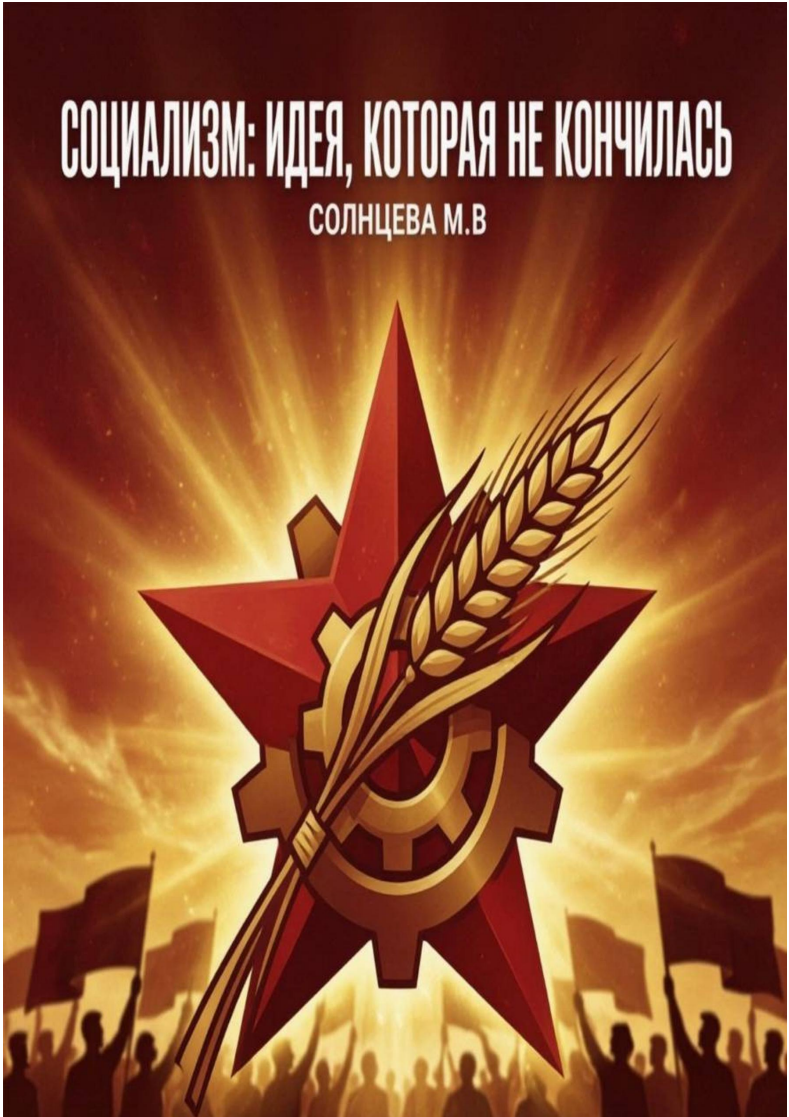
СОЦИАЛИЗМ: ИДЕЯ, КОТОРАЯ НЕ КОНЧИЛАСЬ

СОЛНЦЕВА М.В



Маргарита Солнцева

Социализм: идея, которая не кончилась

https://litres.ru/74897092
SelfPub; 2026

Аннотация

Слово, которое сто лет делило мир на две половины, а потом было объявлено мёртвым — и всё равно не ушло из разговора. Эта книга не агитирует ни за, ни против: она разбирает, что именно придумали утописты, что построили в СССР и Китае, почему шведская модель — не социализм, и какие идеи из этого наследства работают до сих пор.

Содержание

Сюжет 4
Вступление. Спор, который не кончился 5
Глава 1. Сорок определений одного слова 11
Глава 2. Люди, которые попробовали раньше 18
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Маргарита Солнцева
Социализм: идея, которая не кончилась

Сюжет

Слово, которое сто лет делило мир на две половины, а потом было объявлено мёртвым — и всё равно не ушло из разговора. Эта книга не агитирует ни за, ни против: она разбирает, что именно придумали утописты, что построили в СССР и Китае, почему шведская модель — не социализм, и какие идеи из этого наследства работают до сих пор.

Вступление. Спор, который не кончился

В 1989 году казалось, что вопрос закрыт. Стена упала, через два года не стало страны, которая полвека называла себя социалистической, и умные люди написали десятки книг с одним и тем же выводом: спор окончен, победила рыночная демократия, остальное — исторический мусор. Прошло тридцать с лишним лет. Мусор почему-то не убрали: слово «социализм» вернулось в разговоры молодых людей, которые родились уже после падения стены и не помнят ни очередей, ни талонов, ни Госплана. Оно вернулось не как ностальгия — ностальгировать им не по чему, — а как вопрос: если рынок так хорош, почему он раз за разом приводит к кризису, к пустым домам рядом с бездомными, к работе на трёх работах без возможности снять квартиру?

И тут же начинается путаница, потому что одним словом называют четыре совершенно разные вещи.

Первая — идеал: общество, где человек не зависит от того, родился ли он в правильной семье, где медицина и образование не продаются по рыночной цене, где работа не унижает. В этом смысле социализм — нравственная претензия к устройству мира, и она стара как мир: о справедливости писали и Платон, и первые христиане, и крестьянские вожаки.

Вторая — теория: марксистское учение о том, что капитализм несёт в себе противоречия, которые его разрушат, а на смену придёт общественная собственность и плановое хозяйство. Это уже конкретное предсказание, и его можно проверять — что и делает эта книга.

Третья — система: то, что реально существовало в СССР, Восточной Европе, Китае, на Кубе, во Вьетнаме. Однопартийная власть, государственная собственность на средства производства, директивное планирование, распределение по труду и по очереди.

Четвёртая — реформа: то, что делали социал-демократы в Швеции, Норвегии, Дании и послевоенной Британии. Рынок остаётся, собственность остаётся, но налоги и профсоюзы перераспределяют результат. Сторонники третьей системы называли четвёртую предательством; сторонники четвёртой считали третью катастрофой.

Четыре вещи, одно слово. Отсюда — девять десятых споров: люди ругаются, имея в виду разные пункты списка, и потому не слышат друг друга. Один говорит «социализм — это миллионы погибших в голод 1932 года», и он прав. Другой говорит «социализм — это бесплатная медицина и восьмичасовой день», и он тоже прав, только это про четвёртый пункт. Третий говорит «социализм — это справедливость», и это первый пункт, к которому не предъявишь отчётность.

Эта книга написана, чтобы разобрать по частям — что было придумано, что построено, что получилось, что сломалось

и на каком именно месте.

Метод простой. Каждая глава берёт один эпизод или один спор и задаёт три вопроса: чего хотели, что сделали, чем это кончилось. Там, где есть цифры, — цифры. Там, где цифры спорны, — сказано, что спорны, и почему. Там, где я не знаю, — сказано «не знаю»; в теме, где обе стороны привыкли к вранью, честное «неизвестно» дороже красивой оценки.

И ещё одна оговорка, без которой дальше нельзя. Социализм — не только экономика. Это ещё и люди, которые в него верили, и люди, которых он убил, и люди, которые благодаря ему получили образование, которого не получили бы никогда. Всё это правда одновременно, и всякая книга, которая оставляет только одну половину, — не исследование, а листовка.

Русский философ Александр Герцен, посмотрев на европейские революции 1848 года, написал, что у народа, который не знает, куда идёт, впереди только прошлое. С социализмом вышло похоже: он много раз знал, куда идёт, и каждый раз приходил не туда. Вопрос книги в другом: почему? Не «плохие люди», не «не тот народ» — а какие свойства самой идеи и какие свойства любого большого хозяйства вели её именно туда.

Ответ понадобится всем, кто сейчас спорит о будущем: о климате, о налогах, о технологической безработице, о том, кто должен платить за школы и больницы. В этом споре с обеих сторон стоят люди, которые думают, что изобретают

колесо, — а колесо изобретено, и у него, к сожалению, есть известные дефекты.

Как устроена эта книга

Книга идёт двумя линиями, и их стоит различать с самого начала.

Первая линия — хронологическая: от Мора и Оуэна к Марксу, от Маркса к 1917 году, от 1917-го к Госплану, войне, Восточной Европе, Китаю, малым странам, Швеции и сегодняшнему дню. Читая подряд, вы получаете историю идеи и её воплощений.

Вторая линия — проблемная: каждая глава так или иначе возвращается к трём вопросам, сформулированным в первой главе: кто владеет, кто решает, кто получает. Главы о расчёте, о деньгах, о науке и об экологии — это одна и та же тема с разных сторон: как система получает сведения о том, что происходит, и что делает, когда сведения ей невыгодны.

Поэтому книгу можно читать не подряд. Если вам нужна только экономика — главы про Госплан, расчёт, деньги, Китай и Швецию. Если только человек — главы про повседневность, женщину, культуру, религию, террор. Если вы спорите с кем-то и хотите понять, о чём именно, — начните с первой главы и с последней.

Четыре оговорки о методе

Первая: цифры. Там, где статистика надёжна, цифры приводятся без оговорок. Там, где она спорна (а в этой теме она спорна почти всегда), сказано, что есть разброс и в каких

пределах. Там, где я не знаю, написано «не знаю». Это не уклонение: в разговоре, где обе стороны десятилетиями подгоняли числа, честное «неизвестно» — единственная позиция, которую нельзя купить.

Вторая: свидетельства. Книга опирается и на документы, и на воспоминания, и на исследования — но не выдаёт одно за другое. Мемуары полезны, когда нужно понять, как люди себя чувствовали, и ненадёжны, когда нужно узнать, что произошло. Архив полезен наоборот.

Третья: симметрия. Это не значит «обе стороны правы». Это значит, что к каждой стороне применяется один и тот же набор вопросов. Если я спрашиваю у советского плана, где он брал информацию, я задаю тот же вопрос и шведской модели, и китайской реформе, и сегодняшним программам демократических социалистов.

Четвёртая: авторская позиция. Она есть, и её не надо прятать. Автор считает, что цель социализма — достойная жизнь для всех — не отменена ни одним из провалов XX века; и что средства, которыми её пытались достичь, доказали свою несостоятельность там, где отменяли цену, ответственность и обратную связь. Обе половины этой фразы одинаково важны, и вся книга — попытка удержать их вместе.

Чего в книге нет подробной истории каждой страны (это дело учебников) и нет полной библиографии (она была бы длиннее книги). Нет разбора философских тонкостей: спор о том, был ли Маркс детерминистом,

не меняет ни одной цифры в этой книге. Нет и предсказаний: читатель, который ищет «а что будет дальше», найдёт здесь только условия задачи, а не ответ.

И нет главного, чего обычно ждут от книг с таким названием: приговора. Приговор выносит читатель, и лучше, чтобы он вынес его, зная, сколько людей за эту идею погибло и сколько получило образование, которого иначе не получило бы никогда. Это не примирение противоположностей. Это требование считать обе колонки.

Глава 1. Сорок определений одного слова

Слово «социализм» появилось в печати в 1827 году в Англии, в журнале оуэнистов, и сначала означало очень скромную вещь: убеждение, что люди должны устраивать свои дела совместно, а не только каждый за себя. Никакой экономической программы за ним не стояло. Через несколько лет оно перебралось во Францию (Пьер Леру и аббат Ламенне спорили, кто придумал первым), а потом в Германию, где стало именем партии.

Уже тогда началась первая путаница. Англичанин под социализмом понимал кооператив, француз — братство, немец — науку.

С тех пор определений накопилось столько, что в 1924 году английский экономист Джон Дуглас Ховард написал книгу с говорящим названием «Всё это — социализм?», и это была не ирония, а попытка разобрать хотя бы основные значения. Советская «Философская энциклопедия» определяла социализм как первую фазу коммунизма. Шведский премьер Улоф Пальме называл социализмом общество, где никто не должен быть унижен. Американский сенатор 1960-х называл социализмом любое повышение налога. Это всё разные вещи.

Разобраться помогает простая схема — три вопроса, ответы на которые и составляют любое учение об обществе.

Вопрос первый: кто владеет средствами производства? Заводы, земля, транспорт, шахты. Варианты ответов: государство, коллектив самих работников, весь народ неведомым образом, частные владельцы при очень жёстком регулировании, смесь.

Вопрос второй: как принимается решение, что производить? Варианты: приказом из центра, переговорами между предприятиями, ценами на рынке, решением собрания потребителей, — или сочетанием того и другого.

Вопрос третий: сколько человек получает и от чего это зависит? Варианты: от своего труда, от потребностей, от равенства (всем поровну), от собственности, от очереди, от выслуги.

Все учения, называвшие себя социалистическими, — комбинации ответов на эти три вопроса. Маркс отвечал: общественное владение, сознательное планирование, распределение по труду с переходом к распределению по потребностям. Синдикалисты начала XX века — владение профсоюзами, планирование снизу, по труду. Христианские социалисты — владение общиной, а результат братский. Югославские коммунисты — владение коллективом завода, управление советом рабочих, распределение на общем собрании. Шведские социал-демократы — частное владение, рыночные цены, но налоги и профсоюзы выравнивают результат.

Заметьте: у всех четырёх последних вариантов слово одно, но общие у них только намерения. Это как назвать социализмом и религию, и диету.

Есть ещё проблема глубже. Даже когда сходятся ответы на три вопроса, расходятся представления о том, как к этому прийти: реформами или революцией, с сохранением выборов или без, с законом или без. Отсюда второй раскол, о котором будет отдельная глава. Ленин считал, что буржуазный парламент — ширма, и надо действовать иначе. Бернштейн считал, что именно в парламенте и профсоюзе, медленно и скучно, и произойдёт всё нужное. Формально оба хотели социализма. По факту они построили два разных мира, и этот мир до сих пор живёт в их расколе.

Социализм, коммунизм, социал-демократия: три слова, которые путают

Отдельно стоит договориться о трёх словах, которые в разговорах употребляют как синонимы, хотя обозначают разное.

Коммунизм у Маркса — не строй, который строят, а состояние, которое наступит после социализма: общество без классов, без государства, без частной собственности, где каждый получает по потребностям. Это была не программа, а горизонт. Ленин сделал из слова другое: название партии, которая берёт власть, и название цели, ради которой допустимо всё. В СССР к 1936 году официально объявили, что социализм в основном построен, а коммунизм — дело буду-

щих десятилетий. В 1961 году обещали, что к 1980-му коммунизм будет построен. К 1980-му обещание тихо заменили словом «развитой социализм» — так в терминологии появилась дыра, которую никто не решался назвать вслух.

Социал-демократия — слово, которое сначала означало то же самое, что социализм и коммунизм: партии Второго Интернационала назывались социал-демократическими. После 1917 года и особенно после 1959 года, когда германская партия на съезде в Бад-Годесберге официально отказалась от марксизма как основы, слово стало означать другое: рынок, частная собственность, но сильные профсоюзы и перераспределение через налоги. Сегодня «социал-демократ» в Европе — это не «сторонник обобществления», а «сторонник социального государства».

Социализм — самое неопределённое из трёх. В узком советском смысле — первая фаза коммунизма. В западном смысле XIX века — любое учение об общественной собственности. В сегодняшнем разговоре — иногда социал-демократия, иногда левый радикализм, иногда просто «когда заботятся о людях».

Отсюда простая практическая рекомендация, которая экономит часы споров: не спорьте о словах, задавайте три вопроса. Что с собственностью на заводы и землю? Кто устанавливает цены — план или рынок? Есть ли выборы, на которых власть можно сменить? Ответы на эти три вопроса полностью определяют, о чём идёт речь, какое бы слово ни

употреблялось.

И ещё одно слово, которое стоит знать, потому что оно встретится дальше: «реальный социализм». Так в 1970–1980-е официально называли то, что существовало в СССР и Восточной Европе, — в противоположность теоретическому, которого не было. Термин был честнее, чем казалось его авторам: он признавал, что между идеей и её воплощением есть разница, и что воплощение — вот оно, его можно потрогать.

Зачем вообще разбирать слово

Не ради педантизма. Потому что от значения зависит оценка.

Когда человек говорит «в СССР был социализм», он может иметь в виду три разные утверждения, и у каждого своя судьба.

Утверждение первое: в СССР были государственная собственность и плановое хозяйство. Совершенно верно, это факт.

Утверждение второе: в СССР было то, о чём писал Маркс. Здесь уже надо спорить: Маркс говорил об отмирании государства, об отсутствии принуждения, о свободном труде. В СССР государство не отмирало, а росло; труд был не свободным, а распределённым; всеобщая обязанность работать появилась через год после революции, а уголовная ответственность за тунеядство — в 1961-м. Значит, второе утверждение — вопрос, а не факт.

Утверждение третье: в СССР было справедливое общество. Это уже ценностное суждение: у него может быть сколько угодно сторонников и противников, но проверять его цифрами нельзя. Можно проверить частные вещи — мобильность, доступность образования, распределение квартир, — и они дадут противоречивую картину.

Порядок в голове начинается там, где мы перестаём путать эти три утверждения. И это единственная просьба, с которой эта книга обращается к читателю: разделяйте «что построили», «что обещали» и «хорошо ли это».

Небольшой тест

Если вам интересно, где вы стоите, ответьте себе на пять вопросов и не подсматривайте.

Должен ли человек, у которого нет работы, получать от государства безусловный доход? Должны ли школы и больницы быть бесплатными на уровне лучших в стране? Должно ли государство владеть крупными заводами и банками? Должны ли работники избирать директора своего предприятия? Допустимо ли, чтобы разница в доходах между верхним и нижним децилем превышала в десять раз?

Тот, кто ответил «да» на всё, — в терминах этой книги социалист, причём радикальный. Тот, кто ответил «нет» на всё, — рыночник того же радикализма. Тот, кто ответил поразному, — большинство человечества, и именно поэтому разговор о социализме не кончается: почти никто не занимает ни одну из крайних позиций целиком, а спорят всегда

как раз крайние.

А теперь — к людям, которые придумали слово раньше, чем для него нашлось определение.

Глава 2. Люди, которые попробовали раньше

Первым принято называть Томаса Мора, и это не совсем справедливо: Мор ничего не строил, он написал книгу. Но книга была правильная — «Утопия», 1516 год, латынь, два разговора о том, как устроен остров, где нет частной собственности, все работают шесть часов, а золото идёт на ночные горшки, чтобы никто не думал, что оно чего-то стоит.

Мор был не мечтатель, а лорд-канцлер Англии, человек, который видел, как огораживают поля: овцы, писал он, стали поедать людей. Его «Утопия» — не программа, а укор: вот как могло бы быть, если бы не жадность. Через двадцать лет он отказался признать короля главой церкви и положил голову на плаху. Это важно для понимания всей традиции: очень часто социалистические идеи высказывали люди, которые затем платили за свои взгляды — и не только они, но и те, кто был рядом.

Следующий шаг сделали в XIX веке, и сделали его не философы, а практики. Трое заслуживают отдельного разговора.

Роберт Оуэн: фабрика, которая работала

Оуэн был не революционером, а управляющим — и очень хорошим. В 1800 году он принял в Шотландии текстильную

фабрику Нью-Ланарк и сделал то, за что его потом называли сумасшедшим: сократил рабочий день, запретил труд детей младше десяти лет (на соседних фабриках работали с шести), открыл школу для детей и вечерние классы для взрослых, построил приличные жилища, ввёл инспекцию за качеством продуктов в фабричной лавке и — главное — не снизил прибыль. Наоборот: за первые годы производство выросло, потому что люди стали работать лучше и меньше болели.

Это первый в истории крупный эксперимент, показавший важную вещь: забота о работнике может окупаться. Именно поэтому Оуэна читали и хвалили даже те, кто социалистом не был.

Дальше он сделал ошибку, на которую потом наступали все. Решив, что метод можно масштабировать, Оуэн в 1825 году купил в Америке, в штате Индиана, землю и основал колонию «Новая Гармония» — коммуну, где не было частной собственности, где все трудились и получали по потребностям, а споры решались собранием. Через два года колония распалась: приехали люди, которые не умели и не хотели работать так, как требовал устав, а исключить их было нечем — принуждение противоречило самому принципу. Оуэн потерял почти всё состояние — около четырёх пятых, по его собственным подсчётам, — и вернулся в Англию, где потратил остаток жизни на профсоюзы и кооперативы, и там его идеи прижились куда лучше.

Урок Новой Гармонии не в том, что люди плохие. Урок в

том, что добровольная коммуна держится на согласии, а согласие кончается там, где кончается однородность: как только в общине появляются те, кто считает вклад несправедливым, у неё нет механизма, кроме исключения, — а исключение превращает коммуну в обычное общество с собственниками.

Шарль Фурье: работа как удовольствие

Фурье был коммивояжёром и всю жизнь прожил в долгах и в ожидании: он публиковал объявления в газетах, что с двенадцати до часу дня будет дома и ждёт спонсора, который даст денег на первый фаланстер. Спонсор не пришёл ни разу.

Его проект назывался фаланга: сообщество примерно в 1600 человек, живущих в одном большом здании (фаланстере), где работа распределяется по склонностям, а неприятные дела делают дети — им, считал Фурье, нравится копаться в грязи. Каждый день человек меняет несколько занятий, чтобы не скучать: два часа в поле, два в мастерской, два за музыкой. Фурье был уверен, что труд должен быть привлекательным, иначе он бессмыслен.

Практика показала две вещи. Первая: фаланстеры всё-таки строили — в 1840-х в США их было больше сорока, и почти все просуществовали недолго; самый известный, «Брук Фарм» под Бостоном, продержался около шести лет и сгорел. Вторая: идея мелких сообществ оказалась живучей в другом виде — в кооперативах, товариществах, жилищных ассоциациях, где люди действительно объединяются по интересу, а

не по принуждению.

Сен-Симон: не равенство, а организация

Граф Анри де Сен-Симон думал иначе. Его интересовало не равенство, а эффективность: общество, считал он, должно управляться не знатью и не священниками, а теми, кто производит и знает — инженерами, промышленниками, учёными. Он предлагал заменить правительство администрацией, политику — производством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.